

рец его должен быть существо верховно премудрое, ибо оно не только произвело ум человеческий, но само по себе непостижимо, недостижимо для ума сего.»

Как показывает чтение «Лицея» Лагарпа (раздела о философии XVIII в.),²⁴ Жуковский весьма положительно воспринял резкую критику Гельвеция за его абсолютизацию детерминизма.

Слова автора «Лицея» о том, что свобода выбора существует и что «она состоит в возможности действовать согласно моему суждению», Жуковский подчеркивает двойной чертой. Далее он помечает конкретизацию этого положения: «Никаких сомнений не вызывает то, что здесь моральное побуждение, моя воля является свободной во мне, как я сам, поскольку Она есть не что иное, как суждение, выбор мотивов, которым мне нравится следовать, и конечно же все это зависит от меня и от моего разума, выбрал ли я хорошо или плохо»(411).

Характерно в этом же плане и следующее за этим отчеркивание с тремя восклицательными знаками: «Вместе со свободой человека, подорванной софистами, упадет вся нравственность его поступков, добродетель будет лишена своей чести, порок поднят из своего позора, ничто в мире больше не будет заслуживать ни наказания, ни поощрения: все будет делом неизбежного и непостижимого сочетания, и все творение сократится до сборища автоматов» (415).

Полемика Жуковского с материалистами XVIII в. имела, как нам представляется, значительный нравственно-философский смысл. Созерцательный и во многом механистический материализм XVIII в. абсолютизировал детерминизм личности, метафизически трактовал проблему свободы воли и необходимости. «Метафизический материализм XVIII века не давал научной основы для решения вопроса об оценке человеческого поведения».²⁵ Нравственный фатализм противоречил требованиям прогрессивного развития истории. Уже Руссо пытался найти новое обоснование нравственной свободы человека, не связанной непосредственно с материальными условиями общества. Свобода «естественного» нравственного чувства — важнейший для Руссо стимул общественной деятельности человека. «Общественный договор» формулирует в основе «гражданской свободы неистребимую в человеке естественную свободу». Это нравственно-этический аспект руссоизма, который был в значительной мере близок и Карамзину, и Жуковскому.

Первооткрыватель романтизма в русской литературе (как показывают его письма, дневники, художественное творчество) считал, вслед за Руссо, первоочередной обязанностью любого человека со-

²⁴ *Licée, ou cours de littérature ancienne et moderne.* Par J. F. Laharpe. T. 15. Paris, 1798. Далее страницы указываются в тексте.

²⁵ *Шишкин А. Ф.* Из истории этических учений. М., 1954. С. 154.